

АЛЕКСАНДРА
ДЕВИЛЬ

ЧУЖОЙ
КЛАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Рудницкая*
Художник *Любовь Прядкина*

ISBN 978-966-14-1719-8 (PDF)

© Кравченко А. П., 2010
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2010, 2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2010

ОТ АВТОРА

Романы, входящие в дилогию «Чужой клад», объединяет общая тема (клады, из-за которых совершаются преступления) и образ главной героини — Анастасии Криничной.

В «Озере страха» Анастасия — юная девушка, дочь казачьего полковника, увлеченная театром. Действие происходит в середине XVIII века в Глухове — столице Гетманщины. К приезду гетмана Кирилла Разумовского готовится театральная постановка. И вдруг одна за другой погибают две молодые актрисы. Опасность грозит и Насте, исполняющей в пьесе главную роль. Решить зловещую загадку берется человек, который в начале знакомства показался девушке весьма подозрительным.

В романе «Проклятое поместье» Анастасия Михайловна — уже пожилая вдова, озабоченная судьбой любимой внучки Полины. Полина — романтическая барышня начала XIX века, живущая в усадьбе, воспитанная на французских и английских романах. Пережив крушение своей первой любви, она неожиданно становится случайной свидетельницей преступления и теперь должна опасаться убийцы, который может в любую минуту возникнуть на ее пути.

Пятьдесят лет разделяют время действия первого и второго романов дилогии, но не меняется вечное противостояние добра и зла, любви и коварства. Название «Чужой клад» символично. Ведь и в первой и во второй истории герои сталкиваются не просто с охотниками за старинным золотом, но с людьми, которые по своей природе хищники и разрушители, способные только отбирать, а не создавать. Но, как сказано одним из персонажей, «чужое добро добра не принесет». И в итоге правы оказываются те, для кого существуют высшие ценности, которые

не купишь за золото: любовь, дружбу, честь, внутреннюю свободу и красоту души.

Особенности обстановки и мировосприятия людей того времени отображены в колорите романов: сочетание светской и народной культуры, драмы и комедии, мистицизма и скептицизма.

Но есть в книге образ, имеющий особое значение, ставший символом духовного начала. Бродячий философ Григорий Скворода появляется лишь в нескольких эпизодах романа «Чужой клад, или Озеро страха», но встреча с ним осветила души героев, помогла им распознать опасность и обрести счастье.

Недаром в финале романа «Проклятое поместье» Анастасия вспоминает прекрасную птицу Вечность из пророчеств степного мудреца, выбравшего себе эпитафию «Мир ловил меня, но не поймал».

Я стремилась показать героев, которых не поймал суетный мир наживы и тщеславия, не обманула лживая красота порока. Героев, у которых достаточно здравого смысла и душевности, чтобы разобраться и в себе, и в окружающих людях.

И мне бы очень хотелось, чтобы вы, дорогие читатели, нашли в моих романах то, что окажется близко вашему уму и сердцу.

ЧУЖОЙ КЛАД,
ИЛИ
ОЗЕРО СТРАХА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Солнце, вынырнув из-за облака, засияло сквозь кроны деревьев, бросило причудливые тени на траву лесной поляны, еще сырую после недавнего дождя. Начинаясь июнь, и лес манил той удивительно свежей и нарядной зеленью, какая бывает лишь на заре лета.

Анастасию не пугал лес. Здесь, в окрестностях Глухова, он был не настолько обширным и дремучим, чтобы в нем можно было всерьез заблудиться или нарваться на хищного зверя. Впрочем, в случае крайней опасности девушка могла воспользоваться пистолетом, из которого ее научил стрелять еще покойный отец. Казацкая дочь Анастасия Криничная вообще не чуждалась ратных премудростей, — хотя всякий, кто взглянул бы на ее хрупкую фигурку, ни за что бы о том не догадался. Трудно было поверить, что эта девушка с тоненькой талией, лебединой шеей и кошачьей грацией движений способна к скачке на резвой лошади или меткому выстрелу с расстояния двадцати шагов. Правда, в живую мишень ей пока не доводилось стрелять, но Настя сама себя уверяла, что если будет в том необходимость, то сможет, не оплошает.

Хоть лес и был невелик, девушка скоро поняла, что, кажется, немного заблудилась. Можно было аукнуть, позвать своих спутников, однако Настя решила пока этого не делать, а самостоятельно найти тропинку к лесному озеру, от которого уже легко было добраться до окрестностей Глухова.

Сия вылазка в лес была предпринята Анастасией совместно с ее новой подругой Ольгой, Ольгиным женихом Тарасом и его дядей — пожилым казаком Саввой, для того чтобы отыскать легкомысленную девицу Раину, ушедшую вечером на свидание с неким «гарным хлопцем», да так и не вернувшуюся утром домой.

Настя, Ольга и Раина не были связаны между собой родственными узами, их семьи не принадлежали к одному сословию, и познакомились девушки недавно, полмесяца назад, когда разными путями и по разным причинам оказались в Глухове — новой столице, где уже более пяти лет располагалась резиденция его ясновельможности гетмана обеих сторон Днепра и Войск Запорожских, президента Академии наук, подполковника лейб-гвардии Измайловского полка графа Кирилла Разумовского, старший брат которого, Алексей, был необъявленным супругом императрицы Елизаветы Петровны.

Через пятнадцать лет после смерти Даниила Апостола, бывшего гетманом еще в мрачные времена Анны Иоанновны и Бирона, Елизавета Петровна своим указом положила конец периоду межгетманства, и верховным правителем Украины стал юноша из простой казацкой семьи, волею судеб получивший и власть, и блестящее образование.

Гетман Разумовский не был похож на предшественников, носивших этот титул. Выучившись в Европе, привыкнув к жизни петербургского высшего света, он скучал в своей гетманской столице, а уж его высокородная супруга Екатерина Нарышкина — и подавно. Потому-то, наезжая сюда по мере необходимости, Кирилл Григорьевич хотел видеть вокруг подобие пышного северного двора. Стараниями многочисленных слуг гетмана, под руководством его ментора графа Теплова, Глухов стал маленьким Петербургом. Во дворце играли оперы и французские комедии, на которые приглашался знатный люд. Корпусное офицерство Гетманщины стремительно превращалось в дворянство, шляхетство. В гетманской столице появлялись кофейни, в которых любили проводить время глуховские дворяне, одетые и причесанные теперь по парижской моде. Балы, спектакли и охоты сопровождали каждый приезд Кирилла Григорьевича в его ро-

скошную резиденцию. Коллежский советник Теплов, игравший при молодом гетмане важнейшую роль, сближался с местными аристократами и образованными людьми, менялся с ними книгами и старался показать себя главным лицом во всех увеселительных и просветительских кампаниях.

В начале июля ожидалось прибытие гетмана из Петербурга, и к его приезду готовилось театральное представление. Теплов распорядился, чтобы постановок было не меньше двух: итальянская опера и французская комедия. Главным исполнителем, отвечавшим за успех театрального дела, был Иван Леонтьевич Шалыгин, человек образованный, хоть и простого происхождения, но, главное — до самозабвения преданный музе театра.

Когда гетман подолгу пребывал в своей резиденции, придворная жизнь здесь кипела, одна итальянская труппа сменяла другую, во дворце играл личный оркестр Кирилла Григорьевича, а празднества, по примеру петербургских, сопровождалась фейерверками и пушечной пальбой. Но сейчас в Глухове было затишье, поскольку гетмана надолго задержали в двух северных столицах его обязанности президента Академии наук. К огорчению добросовестного Шалыгина, не имелось малейшей возможности заполучить в ближайшее время хотя бы нескольких итальянских певцов, дабы поставить оперу. Единственным итальянцем, пребывавшим сейчас при гетманском дворе, был второразрядный музыкант и капельмейстер синьор Валлоне, на которого, однако, Ивану Леонтьевичу приходилось полагаться ввиду отсутствия собственного музыкального образования.

Застигнутый врасплох поручением Теплова, Иван Шалыгин стал спешно собирать местные таланты. Впрочем, недостатка в хороших голосах не было, — недаром певчих для придворной капеллы обыкновенно везли в Петербург из Украины. Но кроме голоса и красивой внешности требовался еще актерский талант и умение держаться, — и вот с этим-то было труднее всего. Особенно намучился Шалыгин с женской половиной труппы, — ибо девушки простого звания были неграмотны и слишком стеснительны, а знатных не пускали родители, считая актерство делом непочтительным и зазорным.

Так вот, именно театральная постановка, которую готовил Шалыгин к приезду гетмана, познакомила и отчасти сдружила Анастасию, Ольгу и Раину.

Ольга была дочерью священника из небогатого прихода, человека грамотного и успевшего дать ей некоторое образование. В тринадцать лет осиротев, девушка уже пятый год жила в Глухове у тетки, женщины суровой и равнодушной к судьбе племянницы. С Шалыгиным Ольгу познакомил ее жених Тарас, который сам хорошо пел и играл на бандуре. Тарас тоже рано остался сиротой, но брат его матери, старый бобыль Савва, был, в отличие от Ольгиной тетки, человеком добрым и отзывчивым. Он воспитывал племянника с десяти лет и, заметив способности парня к музыке, привел его в церковный хор, откуда Тарас попал и в гетманский театр.

Раина была из семьи многодетных глуховских мещан. Родители жили бедно, отличались безалаберным нравом, и в доме вечно царил шум, беспорядок и толкотня. Никто и не возражал, когда смышленную и голосистую Раину выбрали для театра. Домашние едва ли задумались о пристойности актерского ремесла, но зато обрадовались, что одним ртом в доме будет меньше.

Сложней всего обстояло дело с Анастасией. Ее мать, родовитая и уважаемая вдова Татьяна Степановна, даже и подумать не могла о выступлении дочери в театре. Но Насте поспособствовали некоторые обстоятельства. Месяц назад в Кринички приехал племянник Татьяны Степановны, сын ее старшей сестры Феодосии Илья Борович со своей молодой женой Гликерией. Супруги Боровичи, живя в Глухове, пытались изо всех сил приблизиться к гетманскому дому. Илья прилично знал французский и немного — итальянский, а Гликерия была обучена пению и танцам, — и сам Теплов попросил их поддержать растущий театр «маленького Петербурга». Приехав в Кринички, Боровичи стали уговаривать кузину Анастасию выступить на сцене если не в опере (голос у Насти был приятен, но не слишком силен), так хотя бы в комедии, где петь почти не надо, зато требуется уверенно двигаться по сцене, живо и четко выговаривать реплики, иметь хорошую память и кра-

сивую внешность, — а у Насти все это было. Впрочем, девушку и уговаривать не пришлось, она сама давно бредила театром и поэзией, читала все книжки, какие попадались ей под руку, и не хуже брата знала французский язык. Но куда трудней было убедить Татьяну Степановну. Понадобилось все красноречие дочери, племянника и Гликерии, которую вдова называла «лукавой Лукерьей», чтобы растопить лед ее сопротивления. Ей говорили о том, что при французском дворе даже очень знатные дамы почитают за удовольствие играть в трагедиях и комедиях. Но пример маркизы де Помпадур не убедил вдову Криничную. Тогда напомнили о Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, где молодые дворяне сами ставили любительские спектакли и играли в них. Этот довод несколько поколебал вдову — ведь в кадетском корпусе учился и частенько играл в спектаклях Мишенька Херасков¹, покойный родитель которого был дальним родственником Татьяны Степановны по отцовской линии. И наконец, последним козырем явилось напоминание о том, что Алексей Григорьевич Разумовский, сам прекрасный певец, покровительствует театрам, а Елизавета Петровна во времена своей молодости пела и сочиняла песни, а сейчас собирается основать в Петербурге первый государственный театр, где играть будут не иноземцы, а свои, русские и украинские актеры.

Оглушенная тройным хором голосов, вдова сдалась и отпустила дочь в Глухов. Но перед отъездом, перекрестив ее на дороге, все-таки не удержалась от ворчания и наставлений:

— Помни, что ты не простая казачка, а дворянского рода.

— Ах, мамочка, дворянского, боярского или шляхетского — это теперь все равно, — усмехнулась дочь и тут же процитировала Михаила Хераскова: «Не титул славу нам сплетает, не предков наших имена — одни достоинства венчают, и честь венчает нас одна».

— Господи, и откуда ты только набираешься такого... вольтерьянства, — вздохнула мать, качая головой. — Зря я тебе учителей нанимала, ох зря...

¹ М. М. Херасков — известный русский поэт и драматург XVIII века.

Долго стояла у дороги Татьяна Степановна и глядела, как коляска, запряженная двойкой резвых лошадей, увозит в неизвестность ее единственное дитя. Так уж распорядилась судьба, что никого, кроме Насти, да еще племянника Ильи, у нее на этом свете не осталось...

Отец Татьяны, молдавский боярин Стефан Фалешти, в молодые годы был среди тех, кто поднял восстание против турецкого владычества. После того как турецко-татарская армия в неравном бою разбила русские и молдавские войска под Яссами, Стефан, как и господарь Дмитрий Кантемир, как и боярин Матвей Херасков, вынужден был переселиться в Россию. После некоторых скитаний Стефан Фалешти (называвшийся уже Степаном Флештиным) осел на Полтавщине, где женился на дочери местного помещика. Здесь родились у него две девочки и сын, который в девятнадцать лет геройски погиб под Хотинном. Когда дочери выросли и пришла пора определять их замуж, старшая, Феодосия, всегда желавшая знатности и славы, выбрала себе в мужа офицера из шляхетского рода. Татьяна же всех удивила, влюбившись в казака Михайлу Криничного и настояв на замужестве с ним. Правда, Михайла был из казацкой старшины и имел соответственные права и привилегии, но, тем не менее, родные Татьяны посчитали такой брак неудачным, а Феодосия называла его французским словом «мезальянс». Как бы там ни было, но младшая дочь дворян Флештиных, обвенчавшись, переехала в мужнино поместье, которое выросло из дедовской «займанщины» и после земельных пожалований за храбрую службу представляло не такое уж малое владение. Заселена земля в Криничках была, в основном, «подсуседками»¹, которых Михаил не обижал, но умел строго держать в руках. В конце концов родители Татьяны, поразмышляв, смирились с ее браком и успокаивали себя тем, что казацкая старшина почти во всем приравнивается к наследственному служилому дворянству.

¹ Подсуседки — крестьяне, переселявшиеся в XVII—XVIII веках из Правобережной Украины на заимки («займанщины») и пустые земли левого берега. Отношение владельца к подсуседкам нормировалось договором или общей практикой.

Михаил Криничный не был казаком только по названию; он свою военную службу исполнял честно, не прячась от опасностей. Был ранен под Хотинном, а во время войны за австрийское наследство погиб, отбиваясь от вербовщиков прусского короля Фридриха.

Тогда многое сделалось неладно в жизни Татьяны Степановны. Родители ее тоже вскоре умерли, а сама она не очень-то умела управляться с крестьянами и слугами по причине своей излишней доверчивости. Впрочем, кое-как она удержала имение и постепенно научилась быть настоящей хозяйкой. Что же касается Феодосии, то в ее судьбе уже давно полосой пошли несчастья. Знатный муж оказался пьяницей и игроком, промотавшим почти все состояние, а потом погибшим в нелепой трактирной драке. Феодосии пришлось обращаться за помощью к «неблагородной» сестре, и Татьяна ей, конечно же, не отказала. Восемь лет назад Феодосия умерла, а ее сын Илья, в то время семнадцатилетний юноша, стал частенько гостить у тетки, жалуясь на недостаток собственных средств. Потом, после обучения в Переяславском коллегииуме, он познакомился с ловким человеком по фамилии Заруцкий, и тот пошел в управляющие к Илье, быстро поправил его дела, а вскоре Илья женился на дочери Заруцкого Гликерии. Теперь Илья жил не хуже, хотя и не лучше соседних с ним мелкопоместных дворян, на которых смотрел свысока, ибо они уступали ему в происхождении и образованности.

Настя любила двоюродного брата и его веселую жену, хотя подсмеивалась над их «шляхетской» спесивостью и трусоватым нравом. Вот и сегодня они строго отговаривали ее идти «на поиски какой-то оборванки», твердили, что в лесу можно встретить разбойника и бродягу. Но Настина упрямая натура была такова, что, чем больше ей запрещалось, тем меньше она слушалась.

Показалась просека, и Настя поняла, что идет совсем не в ту сторону. Далее тянулась дубовая роща, стоявшая на рубеже гетманских владений; за ней уже начинались земли кого-то из местных дворян. Вздохнув, девушка повернула обратно. Кажется, она зашла слишком далеко, и вряд ли в этих местах могла оказаться Раина.